

1. *Карта українських земель*. – Wien: Freytag & Berndt, 1900.
2. *Этнографическая карта Российской империи* // Учебный атлас А. Ильина. – СПб., 1877-1913; Народы Европы // Большой настольный атлас Маркса. СПб, 1905; The Times Atlas. – London-Edinburgh, 1890.
3. *Beauplan G. Delineacio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina*. 1648. Reproduced with the permission of the Bibliotheque nationale, Paris; *Beauplan G. Carte d'Ukraine*. 1660. Reproduced with the permission of the Bibliotheque nationale, Paris; *Beauplan G. Typus Generalis Ukrainae*. 1690s. Reproduced with the permission of the Bibliotheque nationale, Paris; Вавричин М. Гійом Левассер де Боплан – картограф України // Спеціальний і докладний план України з належними до неї воєводствами, округами і провінціями. – К-Льв., 2000. – С. 5-13.
4. *Ioh. Baptista Homanno. Ukania quae et Terra Cosaccorum*. – Nurnberg, 1714.
5. *Электронное издание: DVD «Карты галантного века. Шедевры картографического искусства из собрания Государственного Исторического Музея»*. – М., 2011.
6. *Сосса Р.* Історія картографування території України. – К., 2005. – С.158.
7. *Moll Herman. A catalogue of a new and complete atlas*. – London, 1719.
8. *Slovenski zemovid*. – Praha, 1842.
9. *Carte d'Europe*. – Genève: Kommerli, 1916.
10. *Карта українських земель*. Wien: Freytag und Berndt, 1900(?) и др.
11. *G.Freytags Volker und Sprachenkarte von Osterreich-Ungarn*. – Wien: G.Freytag & Berndt, 1918.
12. *Карта України*. – Wien: Freytag und Berndt, 1919.
13. *Europe Showing Peace Conference Boundaries*. For Nelson's Perpetual Loose-Leaf Encyclopedia. 1919 и др.
14. *The Daily Telegraph Victory Atlas of the World*. Prep. of Alexander Gross. – London, NY, Toronto, 1920.
15. *Newnes' Citizen's Atlas of the World*. – London: The Home Library Book, 1923 и др.

УДК 94 «1914/1918»

МИСИЮК В.С., Брест

БЕРЕСТЕЙСКИЙ МИР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Мирный договор, заключенный между представителями Центральных держав и Украинской народной республикой, т.н. Берестейский мир [1; 4; 6; 13] или Украинский Брестский мир [10], был в центре внимания украинской историографии. Это вполне объяснимо, поскольку он напрямую связан с созданием украинского государства. В то же время, ему уделяется мало внимания с точки зрения мировых процессов, под влиянием которых он был заключен и которые в полной мере отражал. Значение Берестейского мира выходит за рамки украинской национальной истории, т.к. он оказал непосредственное влияние на ряд важнейших региональных процессов первой половины XX века. В советской историографии Берестейскому миру уделяли мало внимания. В монографии Н. Никольникова мало предметной информации, она сводится в большей степени к тиражированию идеологических штампов о «врагах революции», «политическом банкротстве», «ревизионистах», «аннексионистах» и пр. В последнее время в российской историографии наметились изменения в оценке данного события. Свидетельством чего является монография Ирины Михутиной «Украинский Брестский мир» [10]. К сожалению, в работе совсем не учитываются национальные процессы, происходившие в Финляндии, Польше, Литве, Закавказье и иных регионах бывшей Российской империи. Без внимания осталась также дискуссия по национальному вопросу в социалистической среде. Это, а также использование главным образом российских источников, повлияло на то, что автор стоит на позиции российского централизма. Тем не менее, работа одной из первых исследует российский контекст Берестейского мира. Узкие рамки статьи не позволяют детально рассмотреть проблему, ее целью, прежде всего, является привлечение к данной проблеме более широкого круга исследователей.

20 ноября 1917 года Совнарком Российской республики инициировал начало переговоров о заключении мирного договора и выходе из Первой мировой войны. Большевики старались придать процессу как можно большую огласку, стремились привлечь к переговорам представителей социалистических партий разных стран. Именно поэтому в качестве места проведения переговоров они предлагали Стокгольм, хотя и не настаивали. Л.Троцкий сформулировал мысль В.Ульянова так: «Яснее и резче закрепить на бумаге аннексионистские притязания немецких империалистов и оборвать на этом переговоры на недельный срок и возобновить их либо на русской почве в Пскове, либо в бараке на нейтральной полосе между окопами. Я присоединяюсь к этому мнению. Незачем ездить в нейтральную страну» [10, 6].

Однако немецкие дипломаты были прагматиками и понимали, что ситуация позволяет им диктовать свои условия. Местом переговоров они определили штаб командования Восточным фронтом – г. Брест.

Немецкая сторона была немало удивлена, когда в штаб Восточного фронта пришла нота от УНР. Украинское правительство родилось в ходе революции, не входило в число инициаторов Первой мировой войны и не несло ответственности за ее результаты. Тем не менее, боевые действия велись на его территории, поэтому предоставлять решение их судьбы сторонним государствам было, с точки зрения Киева, не разумно. Актуальность участия украинской делегации на переговорах связана с тем, что с 6 декабря 1917 года Центральная Рада подчинила себе Румынский и Юго-Западный фронты, объединив их в самостоятельный Украинский фронт. «Производится это во имя спасения хоть одной части фронта, и от этой задачи Генеральный секретариат не отступит ни перед какими препятствиями» [11, 18]. Командование этого фронта осуществлялось в полном согласии с союзническими миссиями.

Некоторые участники мирных переговоров в Бресте, инициированных большевиками, воспринимали участие украинской делегации как частный вопрос, не замечая связи «украинского вопроса» с целым рядом проблем. В частности, когда 3 февраля 1918 года во время обсуждения кавказских проблем Л.Троцкий коснулся вопроса об Украине, представитель Османской империи И. Хакки-паша ответил, что «не понимает, почему господин председатель русской делегации придает такое большое значение вопросу об украинской делегации» [11, 47]. Турция не имела самостоятельной позиции по Украине. Когда же ее дипломаты спохватились и незадолго до заключения договора выставили определенные требования к украинской стороне, то их проигнорировали остальные представители Четвертного союза, т.к., по их мнению, об этом необходимо было думать сразу.

Гоффман говаривал, что он «выдумал Украину» [11, 15], чтобы спасти Германию. Между тем представители Германии и Австро-Венгрии изначально не отличались проукраинской позицией. Делегатам УНР представители Четвертного союза заявили, что признают украинцев субъектом переговоров только после того, как это сделает российское правительство. Даже на двукратное заявление Льва Троцкого о том, что российская делегация «не видит преград для участия украинской делегации на переговорах» [6, 298], Кюльман ответил, что вопрос о самостоятельном статусе украинской делегации будет передан на обсуждение делегатов Центральных держав. Генеральный секретариат также был далек от принятия любых предложений. «Украина может иметь много точек соприкосновения с Австро-Венгрией, с Турцией, Болгарией и особенно с Германией... но мы прекрасно понимаем, что у нас есть и некоторая противоположность интересов» [11, 30]. Во время войны Швеция сохранила нейтралитет, что позволило ей принимать у себя представителей враждующих сторон. Это использовали представители социалистических партий. Тем более, что столица Швеции неоднократно становилась местом проведения различных съездов. 2 июня 1917 года в Стокгольме начал работу Международный социалистический конгресс. В связи с подготовкой к нему весны 1917 года в Стокгольме обосновался эсер Николай Зализняк. Вместе со своим коллегой, социал-демократом В.Степанкивским, он основал здесь Украинское информационное бюро. Хотя их партийные взгляды отличались, у основателей бюро было много общего. Их знали как последовательных сторонников австрофильской позиции в решении украинского вопроса, приверженцев независимости Украины. Оба были основателями Союза освобождения Украины.

Николай Зализняк выступал против позиции В.Ульянова по национальному вопросу и участию социалистов в войне. Во введении к брошюре Х.Житловского «Социализм и национальный вопрос» [10, 110] он продемонстрировал, как социалистическая идеология ушла от космополитической позиции на государственнические позиции. Практика показала, что социалистическое движение динамично развивается среди «неисторических» народов, т.е. не имеющих собственной государственности. Именно поэтому национальным вопросом занялись ведущие теоретики социалистического движения. Большевики воспринимали участие социалистов в национально-освободительной борьбе как ревизионизм. Но именно таким было большинство представителей Второго Интернационала, поддержавших ту или иную сторону в войне. Зализняк, известный как автор публицистической работы «Самостійна Україна – несоціалістичне гасло?» (1915), считал, что война будет содействовать разгрому империй: «Без поражения и разгрома России нечего думать про европейский прогресс. А разгром России невозможен без освобождения Украины из-под ее господства» [10, 109].

Своей целью Союз освобождения Украины видел установление в Украине конституционной монархии. В 1914 году это был революционный проект. Поскольку на тот момент в России господствовала реакция. Тем более не рассматривалась возможность появления отдельного украинского государства.

Тем не менее, к концу 1917 года политическая ситуация в Украине изменилась настолько, что идея монархии не принималась в расчет. Даже, несмотря на то, что Австро-Венгрия была готова предложить на украинский престол архикнязя Вильгельма Габсбурга. Он «постоянно переписывался с главой австрийской делегации графом О.Черниным, влияя на него в полезном для Украины направлении. Время от времени они встречались в одной из деревень в окрестности Бреста» [13, 29]. К сожалению, этот эпизод относится к одной из наименее изученных страниц в истории Берестейского мира. Князь не упоминает о нем в своих мемуарах. Можно лишь предполагать, что отсутствие пристального внимания к поездкам архикнязя в ставку Восточного фронта связано с обсуждением не отвечающей конъюнктуре того времени идеи занятия Габсбургами украинского престола. Вильгельм знал, как реагировали его подчиненные на происходящее. Их взгляды были устремлены на происходящее в Киеве. В связи с чем померкла идея объединения украинских земель под скипетром австрийского монарха. На тайном совещании офицеров корпуса Украинских сечевых стрельцов в декабре 1917 года в Гуштыне подхорунжий Д.Палийив высказался за безотлагательный полный разрыв с Австрией и переход на службу УНР. Когда Четверной союз признал УНР суверенным государством, сотня уланов, находящаяся в подчинении Вильгельму Габсбургу, устроила настоящий пир.

Отношения с австро-венгерской делегацией оказались самыми напряженными. Представители Вены неоднократно отмечали, что вынуждены идти на колоссальные уступки украинской стороне. Имперские власти дважды во время проезда киевской делегации через Львов стерегли ее так, чтобы предотвратить контакты с местной украинской политической элитой. Когда из Стокгольма в Брест прибыл Н. Зализняк, киевская делегация приняла помощь, но сохранила в отношении него дистанцию. Личность этого политика (его проавстрийские симпатии, деятельность на эмиграции, связь с финансовыми махинациями и внутрипартийными конфликтами) не могла и не должна была ассоциироваться с позицией правительства УНР. В еще большей мере это касалось буковинского лоялиста и монархиста барона Николая Василько. Его взамен главы Украинского парламентского клуба имперское правительство делегировало в Брест. Жесткие требования украинской делегации к представителям Австро-Венгрии вызывали уважение к ней Гоффмана, который «с удивлением наблюдал за молодыми украинцами. Они прекрасно знали, что ничего не имеют за собой, кроме возможной немецкой помощи, что их правительство представляет собой фиктивное понятие. И все же в ... переговорах с Черниным они твердо держались своих ранее выставленных условий и не уступали ему ни на йоту» [6, 301]. Сам Чернин констатировал: «Влияние беспорядков в Вене катастрофично. Украинцы уже не ведут переговоры, а диктуют» [6, 301]. Ему вторил Кюльман: «В момент официального разрыва с русскими претензии со стороны украинцев возросли бы настолько, что и здесь перспективы на заключение мира почти полностью исчезли бы, ибо украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях... когда они видят, что могут... позволить себе это...» [11, 38]. Гоффман вынужден был вступить за своих коллег и дать понять, что идея о включении украинских провинций Австро-Венгрии в состав УНР для союзников неприемлема. В результате киевская делегация согласилась с созданием в рамках Австро-Венгерской империи украинской автономии. Провозглашение ее должно было произойти через полгода после подписания мирного договора. Обязательства австро-венгерской стороны были оформлены в тайном протоколе. Взамен украинцы обещали ускорить поставки продовольствия. Сохранение довоенных границ было одним из трех условий графа Чернина признания независимости Украины. Вторым условием было проведение переговоров в Бресте. С чем украинцы охотно согласились. Третье условие: «невмешательство одного государства в дела другого» [6, 297]. Австро-Венгрия требовала гарантий невмешательства украинского правительства во внутренние дела империи. В обмен на них ей пришлось добровольно отказаться от собственных экспансионистских планов. В начале войны империя планировала расширить свои владения за счет украинских губерний России. С появлением украинской делегации и признанием ее прав она вынуждена была признать, «центральные державы сферами экспансии могут считаться только Курляндия, Литва и Польша» [6, 435]. Именно поэтому на переговоры не были допущены представители Литвы и Польши. Но из числа Привисленских губерний, которые Австро-Венгрия планировала включить в орбиту своего влияния исключалась Холмская губерния. Австрийский посол в Стамбуле маркиз Палавичини заявлял, что «две славянские сельские республики Болгарии и Украины» представляют угрозу империи. Угрозу своим интересам увидели также и турецкие дипломаты. [8, 237]. Симптоматично, что среди представителей Четверного союза наиболее болезненной реакцией была именно у представителей мозаичных Ав-

стро-Венгерской и Османской империй. Признание ими УНР могло активизировать национально-освободительное движение населяющих их народов (арабов, армян, чехов, словаков, хорватов и иных).

Берестейский мир стал первым сепаратным миром между воюющими участниками Первой мировой войны. Среди членов Генерального Секретариата были явные сторонники Антанты (А. Шульгин, Н. Порш, С. Петлюра, М. Ткаченко). Тем не менее, союзники отказались задействовать имеющиеся в их подчинении возможности (польский и чехословацкий корпус) для того, чтобы удержать украинское правительство от сепаратного мира. Во время заседаний Л.Троцкий обвинял украинское правительство в получении денег от Антанты [3, 67]. В своей ноте «Генеральный Секретариат уважил Союзников (Антанту) о мирных переговорах и о том, что представители Украины будут своевременно высланы в Брест на переговоры о перемирии» [3, 131]. С одной стороны союзники не доверяли большевистскому правительству, с другой не выступили против его интервенции против УНР. Вторым фактором, способствовавшим сепаратному характеру Берестейского мира стала позиция большинства одной из старейших и влиятельных партий в социалистическом движении – немецкой социал-демократической партии. В том, что она выступает против продолжения войны, затягивания мирных переговоров и мировой революции имел возможность убедиться член киевской делегации Н. Любинский, а затем и петроградский делегат А. Иоффе. На мирной конференции делегация УНР не преследовала узконациональных интересов, сепаратный мир не был для нее самоцелью. Это подтверждает нота В.Голубовича: «Вся демократия Украинского государства борется за окончание войны во всем мире, к миру меж всеми воюющими ныне государствами, т.е. за всеобщий мир» [3, 48].

Выражение рейхсканцлера Г. Гертлинга «после заключения мира с Украиной мы должны будем прервать переговоры с Северной Россией» [11, 50] отражает бытовавшее у современников представление о петроградском и киевском правительствах как о разных Россиях. В ряде документов большевистская и украинская делегации фигурируют как представители двух «российских республик» [8, 234]. Одна во главе с «российскими максималистами» [6, 435] «воплощающими в себе самую дикую форму социализма» [8, 236], другая во главе с умеренными украинскими социалистами. Подобное мнение разделяли даже первоначальные сторонники большевиков, сокрушаясь, что те «вели переговоры так, как, вероятно, в истории никакие переговоры не велись». Кюльман «Украинская государственная идея останется постоянным и действующим фактором в России» [3, 128]. Представление об Украине как об «альтернативной России» (с большими гарантиями частной собственности, большими экономическими и политическими свободами, более высоким уровнем жизни и пр.) повлияло на роль этого региона в истории XX века. Она стала ядром «Юга России», куда устремились беженцы из охваченных революционной борьбой центральных губерний бывшей Российской империи. Дихотомия «двух российских народностей» была выражена в трудах Н. Костомарова. Разница еще состояла в политических моделях. В национальной историографии доминирует мысль о том, что Берестейский мир позволил продлить национальную революцию на несколько лет. В то же время успех на переговорах повлиял на приверженность украинских элит многопартийной модели. В последующие годы она несколько раз становилась основой правительственных кризисов и попыток государственного переворота. Многопартийному правительству не хватило политической воли своевременно урегулировать вопрос передачи полноты власти на оккупированных территориях и вывода войск со своей территории. Милитаризм не был основой политики УНР. Напротив, большевики воспринимавшие мир как поражение направили все силы на концентрацию власти и упрочение своих позиций в стране. Окреп репрессивный аппарат (создание трудовых лагерей), сформирована боеспособная армия (возобновлен принудительный набор в армию, создание заградотрядов и пр.). Слабость либерализма перед лицом тоталитаризма, которая неоднократно даст о себе знать в XX веке, была одной из важнейших причин и важным следствием Берестейского мира.

Мирные переговоры подтолкнули Центральную Раду к провозглашению государственного суверенитета в Четвертом Универсале. Сделано это было постольку, поскольку в условиях войны созыв Учредительного Собрания Украины становился все более недостижимой задачей. Чтобы участвовать в мирных переговорах в качестве равноправного представителя, УНР должна была иметь статус суверенного государства. Де-факто такой ее признали Центральные государства.

Подписание Брестского мирного договора с УНР имело целый ряд последствий:

1. Мир стал одним из важнейших этапов деколонизации бывшей Российской империи. Способствовал «параду суверенитетов» на территории бывшей Российской империи. Кристаллизовалась идея полного государственного суверенитета национальных автономных образований. Украинскому

примеру последовала белорусская политическая элита (обращение к императору, рост влияния правоцентристов).

2. Корнилов получил возможность сконцентрировать силы на Дону и Кубани.

3. Власть киевского социалистического правительства была свергнута гетманом Павлом Скоропадским. Негативным последствием было прерывание процесса естественного созревания гражданского общества. Положительное последствие – продолжился процесс институционализации национальной культуры в условиях экономической стабильности.

4. На территорию Украины стали стекаться беженцы из Советской России. Здесь они создавали различные общественные организации, получили должности в армии и администрации. Укрепление позиции антибольшевистской российской элиты способствовало концентрации сторонников белого движения на юге Украины.

5. Национальная программа украинского и кубанского краевого правительства повлияла на либерализацию программы антибольшевистского движения барона Врангеля (отказ от безусловной поддержки монархического, унитарного государства, признание права меньшинств на развитие национальной культуры и пр.).

6. Большевики сохранили свою власть в России. Передышка была использована для концентрации власти и упрочения позиций в стране. Горький военный опыт заставил партию обратить внимание на формирование боеспособной армии (возобновлен призыв в армии и пр.)

Литература

1. *Берестейський мир*. 1918-1928. Спогади й матеріали / Упорядник І. Кедрин. – Львів: Червона Калина, 1928. – 320 с.
2. *Вировий, О.І.* Центральна рада за підписання Брестського миру / О.І. Вировий, П.П. Притуляк // Політологічні читання. – 1995. – № 2. – С. 163-187.
3. *Воляник, С.* Берестейський договір 9.02.1918. – Клівленд: Ukraprint 1989. – 209 с.
4. *Дацків, І.* Брест 1918: європейський прорив України – Тернопіль: Астон, 2008. – 253 с.
5. *Держалюк, М.* Берестейський мир і Україна // Пам'ять століть. – 1998. – №1. – С. 40-57.
6. *Дорошенко, Д.* Історія України 1917–1923. – Ужгород, 1932. – Т 1. Доба Центральної Ради. – 437 с.
7. *Кедрин, І.* Четвертий Універсал і Берестейський мир // Альманах Українського народного союзу на ювілейний рік 1968 – Нью-Йорк: Свобода. – С. 85-97.
8. *Манасієва, І.* Болгарія та Українська народна республіка на Брест-Литовській мирній конференції: відстоювання національних інтересів // „VI Дриновские чтения”. – Харьков: ХНУ им. Н.В. Каразина, 2010. – С. 230-238.
9. *Мирчук, П.* Українська державність 1917-1920. – Філадельфія, 1967. – 393 с.
10. *Михальський, І.С.* Публіцистичні твори українських есерів початку ХХ ст., як складова частина джерельної бази історії українських політичних партій (на прикладі творів М.Залізняка) // Рукописна та книжкова спадщина України: Археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів. – 2003. – Вип. 8. – С. 104–112.
11. *Михутина, І.* Украинский Брестский мир. – М.: Европа, 2007. – 288 с.
12. *Никольников, Н.Л.* Брестский мир и Украина. – К.: Наукова думка, 1981. – 173 с.
13. *Терещенко, Ю.* Український патріот із династії Габсбургів / Ю. Терещенко, Т. Осташко. – К.: Темпора, 2008. – 381 с.
14. *Терлецький, О.* Велика подія: Берестейський мир – 9. ІІ. 1918 // Народний ілюстрований ювілейний календар «Просвіти» на звичайний рік 1938. – Львів, 1938. – С. 105-108.